

Гафур ГУЛЯМ

РАССКАЗЫ

ВОРИШКА

Мама у нас умерла весной семнадцатого года. Отца мы к тому времени уже давно лишились, и никого, кроме старенькой бабушки, Ракии-биби, у нас теперь не оставалось. Отчетливо помню, как по вечерам она укладывала нас на айване на рваный рябой палас – единственный представитель рода ковровых, что уцелел в доме – а сама ложилась с краю, точно оберегая бедное свое гнездо с птенцами. Это была усохшая, пригнувшаяся к земле старушка, ростом немного выше нас: ей перевалило за восемьдесят, но она неустанно хлопотала и сохраняла единственную слабость: привычку к насваю.

Однажды осенью, когда мы уже спали на айване, тесно прижавшись друг к другу – ночи заметно похолодали, – что-то меня разбудило. В квадрате черного низкого неба меж стенами и крышей висели надо мной Семь разбойников, и оттуда же – так мне показалось в первый миг – доносился угрожающий бас. Наверное, он и разбудил меня; в следующее мгновение я понял, что бас доносится с крыши, а ему отвечает ласковый голос бабушки. Было, пожалуй, время третьих петухов.

– Ну и что, воришка? Дальше-то что? – говорила бабушка.

Воришка! Надо же!.. Я затаил дыханье и оглядел двор. Он был просторный и совершенно пустой. К айвану примыкала стена дядиного дома. Самого дяди дома не было – он ночевал с семьей за городом. Полагалось бы испугаться, но бабушкин голос был привычно ласков, как воркованье старенькой голубки, и страха я не испытал – один жгучий интерес. Еще бы! Ночью нас вор навестил. То-то завтра пойдет разговоров по махалле! А я-то – как разукрашу все своим дружкам! Лишь бы поверили... Но вор – вот

ведь недотепа! Нашел куда забраться... Да у нас в доме с лопатой ищи – ничего не найдешь...

Вор попал к нам случайно. Перебираясь с крыши на крышу, он угодил на дядину, и, пока раздумывал, как быть дальше, в носу у него отчаянно засвербило – от пыли или от ветерка; он чихнул во всю силу своих легких, а бабушка, которая лежала без сна с насваем под языком и все думала свою горькую думу, выплюнула насвай, глянула наверх и увидела на крыше мужской силуэт.

– Воришка? – спросила она.

– Э-хмм...

Бабушка привстала, опершись на локоть.

– Послушай-ка меня, сынок, – сказала она. – Я тебя учить не хочу, у тебя свои дела, у меня свои, каждый добывает хлеб по-своему. Но работа у тебя тонкая, пока насморк, отдохнул бы, отлежался, подумал бы о себе, а то ведь пропадешь ни за что...

– Заглохни, старая, – сказал вор зловецим басом. Помолчал в темноте, словно обдумывая, потом добавил помягче: – А и верно, старушка ... ночное чиханье – не в пример громче... – Снова помолчал – и опять ворчливо: – А ты, старая, ежели все разумеешь, и помолчать бы могла, не заметить. Ночь, дрыхнуть надо!

– Ну, и не заметила бы, – сказала бабушка, – а тебе что толку? Взять у нас так и так нечего...

Вор только засопел.

– О-ох, воришка, сыночек мой, – горестно заворковала Ракия-биби. – Спать-то надо, да я не могу. На душе кручина, вот и кручусь, днем по двору, ночью на постели. Все думаю, все думаю...

– О чем думаешь-то? – сказал вор, и бас у него еще помягчел, словно в него добавили маслица. Я услышал, как он стал снимать чапан.

– Как о чем? – бабушка даже удивилась. – Сам, что ли, не поймешь? Вот о них, о четырех сиротках... Во-он лежат... Время, сам знаешь, какое, сироты – разве сладят они с таким миром? И пожалеть-то – кому? Дядя-арбакеш, так он, бедолага, со своей

семьей мыкается. Едим, только б ноги не протянуть. Во всем доме продать нечего – ни одной-то вещицы...

– Ни одной... – повторил вор неопределенно, и непонятно было, то ли он подтверждает, то ли высказывает сомнение.

– А они, несмышленыши, – продолжала бабушка, – когда еще вырастут? Когда хлеб добывать начнут? Я-то – доживу ли? Дотяну? Из четверых – один мальчик, и ему-то тринадцати нет. А девочек – три, мал мала меньше... А и вырастут – кто на них позарится? Кто за них денежки выложит – на тряпье, да на сватовство, да на угощенье?.. Как тут не думать! Ох, горюшко мое, беда, сыночек, беда, воришка...

Судя по звукам, доносившимся с крыши, полночный гость расстилал чапан. Потом он сочувственно спросил:

– Четверо, говоришь? Да-а... И у меня на шее – не меньше: двое ребятишек, да жена, да мать-старуха. Вроде тебя... Курице – и той сколько зерна надо, а четыре рта чем наполнить? Четыре лепешки заработать – и то душу на кон поставишь. Иди, кланяйся, хоть с метлой, хоть стрелой, хоть тешой, хоть душой...

Человек на крыше, побряхтев, улегся и продолжал:

– А по правде тебе сказать, бувиджан, аллах меня ни силой, ни умом не обидел. Думаешь, я по своей воле но ночам гуляю?.. Я, если хочешь знать, и семьянин настоящий... и ремесленник, дай бог каждому! Кавуши шил – всем на зависть! Ан нет! Не прокормишься ремеслом! Все перевернулось!.. Сел на трон Керенский – думали, войне конец, а вышло наоборот. Еще пуще воюют! И все ремесла прахом пошли. Для кавушей, к примеру, кожа нужна, клей, гвозди, лак. Так сырье – дороже готового! Я работай, и я приплати?..

– Неужто, сынок, так тебе и скитаться по крышам?

– А чем заняться-то? – Вор, похоже, снова приподнялся и сел. – Ну, хотел я тащишкой на базаре заделаться. Так простой народ нынче оптом-то ничего не закупает, помалу берут да сами и тащат! А у богачей – колеса. Они богатеют, богачи-то, а мы нищаем! Так-то вот, бабушка... Недавно Бува-ата, лучший мастер

в махалле, весь свой набор сапожный – все колодки, да молотки, да иглы, да гвоздочки – все на пуд кукурузной муки сменял! И правильно сделал. Дехканам нынче не до обуви... И все ремесленники разорились, не одни мы: и ткачи, и медники, и кожевенники... даже домла в мактабе – и тот с голоду землю лижет! Это учитель-то! А тут – и ложки постного масла не наберешь...

– Да пропади они пропадом с этой проклятой войной! – сказала бабушка. – Воистину это светопреставление и есть, а, сынок, а, воришка?.. И что только будет с моими сиротами?.. Да и ты?.. С горя грех на душу берешь... Только не туда ты ходишь, сынок, ей-богу. Лазил бы к кому побогаче. Тут вот рядом, в махалле, и Карим-кары живет, торговец ситцем, и подрядчик Адылходжабай, и Матъякуббай, промышленник... Вот у кого добра не счесть. Младенцы – и те на золоте едят! Продырявил бы у них крышу – хоть разжился бы!..

– Эх, старая, – сказал вор, вздохнув, и тут его голос показался мне очень знакомым, – рассуждаешь глупей своих несмышленишей. Да разве к богачам заберешься! И стены толстенные, и крыши железные, и псы злющие, каждый с теленка. Раздерут на части, после не соберешь... Ха! Адылходжабай, говоришь? Да у него двор еще и городской с винтовкой стережет... Не-ет, хоть тяжка забота, а в Сибирь неохота...

– Ты прав, сынок, прав. А все же и тут поосторожней будь, а то справят тебе волчью свадьбу...

Вор, должно быть, снова лег – или уселся, подложив под себя ноги.

– И ты права, буви, – сказал он и после паузы продолжал доверительно: – Вот я тебе расскажу. Недавно я из сарая Арифа-вонючки четырех кур с петухом спер...

– Да ну! – бабушка оживилась. – Ну, молодец! Ведь они, проклятущие, могли тебя хуже любого чиха выдать! Раскудахтались бы!..

– А я пузырек с водой прихватил... подкрался, набрал в рот воды – да как брызну на них!.. Глупей курицы-то никого нет. Подумали, дождик, головы под крыло, а я их по одной – и в мешок!..

– Ай, сынок! – восхитилась бабушка. – Как ты догадался!

– Слушай дальше, дальше слушай... Я-то упер, да Ариф-вонючка, видно, про-нюхал. Взял я петуха – и отнес элликбаши Рахманходже. Ариф-вонючка к нему – и видит своего петуха!.. Ну, и умылся. Задом, задом – и домой.

– А что этот Рахманходжа?

– Неплохой человек. С ним, мать, можно договориться. В прошлом году меня в мардикеры записали, отправить хотели куда-то. Я – туда-сюда, туда-сюда – набрал полсотни рублей. Прихожу к нему: «Вот, мол, элликбаши-ата, все, что имею...» Помог – оставили меня. Приличный человек.

– Ну, дай бог счастья ему и деткам! А теперь слушай меня, воришка, слушай, сыночек, скоро светать начнет. Вон уж светлая звезда вышла! Ты по тутовнику-то скользни вниз, там рядом пень ореховый. Дам тебе топор, отколешь пару щепок, кумган поставим. Сын-то нам вчера две кукурузные лепешки оставил – попьем чай все вместе...

Вор помолчал.

– Нет уж, старая, – сказал он вдруг прежним басом. – Пень вам расколю, а чай сами пейте. Ни к чему мне свое лицо показывать...

– Вай, сынок! И мы тоже люди. Неужто так и уйдешь от нас с пустыми руками?..

Вор буркнул что-то неразборчивое.

– Погоди, – продолжала бабушка, – что ж тебе взять?.. А-а, слушай, там в мехмонхоне казан лежит полупудовый. Было время, три семьи из этого казана ели!.. Бедно жили, а дружно. Теперь вот осталась одна я с сиротками. Когда-то им этот казан сгодится!.. Так возьми, сынок, казан! Продашь, проживешь с семьей день-другой...

Вор помолчал секунду.

– Нет, – сказал он вдруг сдавленным голосом, – не возьму, мать, не такой уж я... – он снова замолк, как бы стараясь с собой справиться, и когда заговорил снова, то, видно, старался, чтобы вышло подобнее. – Что это ты, мать, так отчаиваешься. Днем-то твои сироты небось веселятся, бегают. Краешек лепешки-то уж для них найдется. А там – вырастут. Обязательно вырастут, мать, увидишь! И казан пригодится, может, еще мал будет!.. Дай бог нам дожить до их тоев! Прощай, бувиджан, заря уже...

– Ну, прощай, воришка, не забывай нас...

* * *

Неделю спустя я услышал на улице знакомый голос. Потом я не раз встречал этого человека, но ночной истории не рассказал никому. Только порой, когда проснешься ночью, снова слышится мне этот разговор, пока я лежу, прикрыв глаза.

Перевод с узбекского Перевод А. Наумова

УЛОВКИ ШАРИАТА

На крыше коровника пристроились две горлинки. В свете солнечных лучей они казались ослепительно белыми, а большие темные глаза коровы, лениво жевавшей, приобрели какой-то светло-коричневый оттенок. Корова то и дело облизывала длинным языком сухие ноздри и отмахивалась от мух хвостом с кисточкой на конце: на каждый шорох она отвечала мычаньем — протяжно, но отнюдь не мелодично.

Горлинки с остервенением выдергивали друг у друга перья.

На открытой террасе сидит сам мулла Дилькаш и чинит потник. Тут же, на пышной подушке, прикорнула женщина лет сорока пяти, а женщина помоложе и покрасивее подкрашивает усмой брови перед небольшим ручным зеркальцем. Это — жены муллы Дилькаша.

Мулла Дилькаш в сердцах воткнул шило в потник и повернулся к старшей:

— Вот эта корова и та умнее тебя, хоть жвачку жует, а ты!.. Тебе разжуешь, так ты глотаешь, будто одолжение делаешь!

Женщина привстала:

— Эта корова лучше меня? Если так, то вот эта глупая горлинка в тысячу раз умнее вашей любимицы! Горлинка хоть в зубу еду бережет, а эта — позавтракает и ждет обеда. Чтоб ей пусто было!

— Не гневи бога, неблагодарная! Из-за твоей дурацкой болтовни я на базар не успею. Если бы ты вовремя заштопала потник и чалму выстирала, я бы давно уже уехал, но ты одно только знаешь — язык чесать.

— Значит, она настоящая жена, а я дура? Ну так пусть она и стирает вам чалму, а заодно и саван! Весь день от зеркала не оторвешь.

Младшая швырнула зеркало на пол. Одна бровь так и осталась ненакрашенной.

— Накажи аллах моего отца! завопила она.— Отдал меня на растерзание! Ни одного светлого дня! Не жизнь, а мука!

Мулла Дилькаш — человек с характером. Он немало побродил по свету, много повидал, встречался с разными людьми, был мастер вести долгие и приятные беседы. Когда мулла Дилькаш привел в дом вторую жену, он понял, что в жизни еще не все радости исчерпаны.

— Человеку с достатком каждую бы неделю жениться,— часто любил повторять он. И стал всерьез подумывать о третьей жене. Но... мнение людей!.. Избавиться бы от старшей!

«Думаешь ли ты жениться, мулла Дилькаш? — размышлял он. И сам себе отвечал: — Клянусь духом святого Баховиддина, женюсь! Так что толку от этого шума? Найди себе мудрого советчика и начинай потихоньку действовать».

Мулла Дилькаш бросил потник на середину двора, натянул халат и, схватив чалму, выскочил из дома. У кого же попросить совета?

Колебался он недолго и остановил свой выбор на знаменитом мулле Абульбаки Маргилони, который ухитрился в свое время четырежды жениться и четырежды благополучно расстаться со всеми своими женами. Зато в последнее время мулла жил отшельником в одинокой келье кесаккурганского медресе.

На счастье муллы Дилькаша, святой оказался в келье.

Поговорили о том о сем. Не спеша. Наговорились досыта. Абульбаки — все больше о жизни. Мулла Дилькаш — о разных торговых сделках. Затем Дилькаш попросил совета, и мудрец не заставил себя долго ждать. Помолчав минуту-другую, он милостиво изрек:

— Сын мой, разрешение ваших сомнений можно найти в шариате. Внимайте мне. Постарайтесь как-нибудь ночью ненароком коснуться губами груди вашей старшей жены.

— Грудь?

— Не торопитесь, сын мой. Вы притворитесь спящим и совершите это во сне.

— А дальше?

— Вы только выразите по этому поводу беспокойство, а наутро привед те жену ко мне.

Мулла Дилькаш в нетерпении дожидался ночи. И хотя очередь была провести ночь в покоях младшей, он остался у старшей. Было уже за полночь. Жена уснула. Мулла Дилькаш как бы во сне нечаянно коснулся губами груди жены. Женщина проснулась и возмущенно вскрикнула:

— Чтoб у тебя борода по волоску высыпалась! Ты что, с ума сошел?

Мулла Дилькаш не отзывался. Жена замахнулась и крепко шлепнула по голой спине Дилькаша.

— Чего дерешься?

— Да тебя убить мало!

— Младшая так не делает.

— Лучше бы ты околел.

— Ты чего ругаешься?

— А ты чего сосешь меня как дойную корову?..

— Когда?

— Сейчас!

— Врешь!

— Клянусь детьми.

Мулла Дилькаш вскочил с молитвой:

— Слушай, жена, а как это дело толкует шариат?

— Откуда мне знать?

— Надо завтра же сходить к мулле.

Наутро муж и жена входили в келью муллы Абульбаки Маргилони. Низко поклонившись святому, мулла Дилькаш робко произнес:

— Господин, мы совершили тяжкий грех.

— Говорите, сын мой.

— Вот она, эта женщина — моя жена, а я сегодня ночью, со

сна, как сосунок...

— Как сосунок?

— Да, господин.

— Так ли, сестра моя?

— Да, господин.

Мулла Абульбаки почесал бороду.

— Совершилось невероятное. Отныне вы не муж и жена, а мать и сын.

— Мать и сын?! — воскликнул встревоженным голосом мулла Дилькаш.

Да, уважаемый мулла, вы ей сын, а вот она — ваша мать, родная мать, вскормившая вас грудью.

Мулла Дилькаш растерянно посмотрел на жену, жена на муллу Дилькаша.

— А нет ли другого толкования, господин?

— Так велит мусульманское благочестие.

— Лучше бы мне умереть! — воскликнула жена.

— Тише, не кричи, люди услышат.

Заплатив мулле за услуги, новоиспеченные мать и сын покинули келью. Поравнявшись с воротами медресе, мулла Дилькаш почтительно обратился к жене:

— Мама, теперь вам придется женить меня. Трудно вед человеку, привыкшему иметь двух жен, обходиться одной!

— Издох бы ты маленьким. Нашел себе маму, проклятый! Зови меня хотя бы сестрой...

Перевод Н. Владимировой